

УДК 811.112.2'38
ББК Ш143.24-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Р. Д. Керимов
Кемерово, Россия

R. D. Kerimov
Kemerovo, Russia

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ТАРГЕТИРОВАНИЕ
В НЕМЕЦКОЙ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОММУНИКАЦИИ:
СЦЕНАРИИ ПАРТИЙНОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ И ИСТОРИИ ФРГ**

**METAPHORICAL TARGET MAPPING IN GERMAN
SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION:
SCENARIOS OF THE GERMAN PARTY SYSTEM,
SOCIAL LIFE AND HISTORY**

Аннотация. Статья посвящена описанию метафорической системы современной немецкоязычной социально-политической коммуникации. Таргетирование понятийной области «Политика» способствует установлению структурно-семантических и функциональных связей метафорических единиц и их всестороннему анализу с использованием лингвокогнитивных методик. Рассматривается понятие когнитивного сценария, который применительно к социально-политической коммуникации может трактоваться как сегментирование (таргетирование) сферы-мишени «Политика», являющейся областью проецирования для метафорических образов. В статье рассматриваются такие базовые сценарии партийно-политической и общественной жизни современной единой Германии, как «Партийно-политическая жизнь ФРГ», «Общественная жизнь Германии», «История государства и общества».

Abstract. The paper describes the metaphorical system of the present-day socio-political German communication. Target mapping of the domain "Politics" helps to establish the structural semantic and functional relations between metaphors as well as to carry out their comprehensive cognitive linguistic analysis. The article further dwells on the notion of cognitive scenario, which, in relation to socio-political communication, may be viewed upon as segmenting (target mapping) of the target domain "Politics". This domain serves as the projecting field of metaphorical images. The article describes such basic scenarios of political and social life of modern united Germany as "The Party System and Politics of the FRG", "Social Life in Germany" and "The History of the State and Society".

Ключевые слова: когнитивная метафора; понятийная область; сфера-мишень; когнитивный сценарий; социально-политическая коммуникация; политическая лингвистика; языковая картина мира; немецкий язык.

Keywords: cognitive metaphor; conceptual domain; target domain; cognitive scenario; socio-political communication; political linguistics; linguistic worldview; the German language.

Сведения об авторе: Керимов Руслан Джаванширович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, доцент.

About the author: Kerimov Ruslan Dzhanvashirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German Philology, Assistant Professor.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, кор. 6, к. 6412.
e-mail: kerimovrus@mail.ru.

В современном языкознании проявляется стабильный повышенный интерес к вопросам функционирования метафоры в сфере политики, обусловленный как интенсивным развитием лингвокогнитивной парадигмы и концептуальной метафорологии [Будаев, Чудинов 2008: 4], затрагивающими область социополитической коммуникации, так и «внешними факторами — бурным развитием информационных технологий, возрастающей ролью средств массовой информации, тенденцией к глобализации. Многочисленные исследования сосредоточены на том, какие метафоры используют политики и журналисты разных стран и как это влияет на общественное сознание и политическую жизнь» [Скребцова 2011: 50].

В предыдущем номере «Политической лингвистики» уже поднимался широкий круг вопросов, связанных с определением и установлением объемов понятий «социально-политическая коммуникация» и «когнитивный сценарий», а также была представлена типология первых двух (из всего пяти) когнитивных сценариев общественно-политической жизни

современной единой Германии [Керимов 2014б, см. также обзорную работу по данной проблематике: Керимов 2014а].

Следует отметить, что данные понятия уже функционируют в терминологическом аппарате современных дискурсивных, когнитивных и политлингвистических исследований, причем преимущественно в различной авторской интерпретации, без какой-либо одной трактовки или хотя бы общепринятого подхода к их дефинированию и употреблению.

Необходимость существенного уточнения терминов «политическая коммуникация» и «когнитивный сценарий» появилась при теоретической разработке и практическом языковом анализе корпуса современной немецкоязычной политической метафоры (периода первых 15 лет существования объединенной Германии (1990—2005)) [Керимов 2012 и 2013].

Практические и теоретические изыскания в области политического дискурса показали, что при обширном охвате языкового и речевого материала рамки политдискурса слишком узки, в связи с чем за его границами остается суще-

ственный пласт социально маркированной лексики, фразеологии и паремииологии, а также конвенциональных метафор и многих общекультурных общественно-социальных символов, которые в полной мере можно отнести к вербальному уровню политической культуры, но которые в данный период времени не являются в ФРГ дискурсивно активными ввиду различных интра- и экстралингвистических факторов, как например, семантической неопределенности или, наоборот, полисемичности, строгой дистрибутивной ограниченности и низкой лексической валентности, синонимической конкуренции (употребления более востребованного синонима); политической неактуальности в данных социальных условиях, невнимания со стороны языковой моды и пр. В этом случае эмпирическим материалом лингвистического анализа выступает более широкое, социально ориентированное пространство политической коммуникации. Политическая коммуникация трактуется как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2005: 13]. При этом политическая коммуникация выступает одной из сфер общественных коммуникаций, помимо нее также ведущими в лингвокультуре являются, например, ⁹³ «финансовая, юридическая, производственная, медицинская, научная, педагогическая, религиозная, бытовая, сфера массовой коммуникации и сфера искусств», которые «противопоставлены друг другу по целям общения» [Чудинов 2005: 43].

У политической коммуникации главная функция — «борьба за политическую власть: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создания общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее создании и преобразовании» [Чудинов 2013: 10].

Таким образом, политическая коммуникация охватывает широкий вербальный пласт социальной реальности и включает в себя в том числе политический дискурс. Некоторые авторы при исследовании речевых механизмов (например, манипулятивного воздействия) считают дискурсивный компонент основным в процессе общественной коммуникации, поскольку «именно дискурсивный подход к сфере политической коммуникации представляется особенно плодотворным, потому что он задает тот ракурс исследования, который позволяет осмыслить

важную, сущностную сторону этой области функционирования языка — специфику осуществляемой в ней концептуализации мира, порождающей широкий спектр форм манипулятивного воздействия» [Михалёва 2005: 7].

При комплексном рассмотрении метафорической системы вербальное пространство политической культуры сегментируется на три элемента, выступающие одновременно и источником, и сферой функционирования метафорических образов: узуальный (социально-маркированный словарь), традиционный (конвенциональные лингвокультурные символы) и дискурсивный (политическая речь и публицистика), которые в совокупности составляют собственно социально-политическую коммуникацию, где первый компонент — «социальный» — указывает также на включение в эту область общественно-социальной, профессиональной и экономической деятельности отдельного человека (семьи, группы, класса) как реализации общественных отношений в повседневной частной жизни граждан. Подобную организацию структуры социально-политической коммуникации (если вынести за скобки нерегулярный второй компонент — традиционную лингвокультурную символику), как уже отмечалось, можно соотнести даже с классической трихотомией Ф. де Соссюра «язык — речь — речевая деятельность» [Керимов, Федянина 2014: 158].

Понятие когнитивного сценария в современных лингвокогнитивных исследованиях очень размыто, и оно не получило широкого распространения в политической лингвистике. Так, например, М. В. Пименова, исследуя концептуализацию чувств в русском языке, понимает сценарий как событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий и причин возникновения, времени и места действия, когда событие обусловлено причинами, послужившими к его появлению [Пименова 2003: 58], и определяет его как «совокупность объединенных временными и причинными связями признаков, описывающих упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий. Такие структуры знаний обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций» [Пименова 2003: 109]. В данном случае сценарий предстает в качестве одной из методик исследования и моделирования структуры ментального концепта [см. также: Пименова 2009].

В свою очередь, З. Д. Попова и И. А. Стернин рассматривают сценарий («скрипт») как одну из динамических разновидностей концепта, т. е. «отражение в сознании целостных последовательностей нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития; фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов» [Попова, Стернин 2003: 7].

И. Ю. Колесов при изучении проблем концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) также использует понятие когнитивного сценария, который входит в систему структуризации знаний о мире, а его связь с другими концептуальными процедурами автор определяет согласно следующей схеме: «Картина мира (фрагмент) > ментальная репрезентация > когнитивная сцена > пропозиция» [Колесов 2008: 123], где когнитивная сцена — «результат концептуализации образа предметной ситуации, роль которой — в „планировке“ определенного содержания мысли о предметной ситуации и выборе ракурса ее репрезентации, в выделении смысловой основы значения»; в когнитивной сцене «отражена познанность говорящим „положения дел“, интерпретируется знание о типичной ситуации (прототипе); другими словами... это определенный профиль, *ракурс концепта*» [Колесов 2008: 120]. Как считает ученый, «отраженная в пропозиции ментальная репрезентация называется... когнитивной сценой ввиду того, что поверхностная (синтаксическая) структура предложения соотнесена знаковым образом не со знанием о типичном событии в полном его объеме — концептом (где уже не является существенным фактор восприятия и осознания события), и не с самим событием в мире, а с отдельной версией познания лишь одного из таких событий, что составляет сущность процесса концептуализации того, что говорящий знает о денотативной ситуации» [Колесов 2008: 121]. Когнитивная сцена анализировалась также на материале художественной литературы как элемент архитектоники текста [Кузьминых 2013].

Применительно к социально-политической коммуникации когнитивный сценарий можно рассматривать как сегментирование (таргетирование) сферы-мишени (в классической трактовке Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2008; см. также: Jäkel 1997; Kövecses 2002; Schwarz 1996]) «Политика» (в самом широком ее понимании), являющейся областью проецирования для метафорических образов [Чудинов 2001; Liebert 1992; Rigotti 1994]. При этом когнитивный сценарий подразумевает метафорическую репрезентацию некоторой стереотипной ситуации, системы отношений, социальной структуры, положения вещей в мире, государстве, обществе, частной жизни гражданина, истории, культуре, экономике, науке и культуре, государственных институтах и властной элите. При описании в рамках определенного исследования только одного, как правило, крупного сегмента социальной реальности сценарность не используется, так как в подобных случаях нет системы объектов описания, а один обширный референт всегда представляет собой сложно упорядоченное и разнородное множество реляций, не сводимых

к каким-либо одноуровневым схемам. Так, например, сферу-мишень (область-магнит) метафорической экспансии может представлять некоторый пространственно-временной и/или социально-культурный континуум: СССР/Россия [Пшенкин 2006], постсоветская действительность [Будаев 2007]; Россия [Будаев 2009; Будаев, Ворошилова, Дзюба и др. 2011: 220—246; Керимов 2010; Чудинов 2001, 2013: 121—128], Германия [Керимов 2005, 2006; Куданкина 2005], Европа [Керимов 2005; Musolf 2000] и т. д. или определенное историческое событие, как, в частности, война в Югославии в 1990-х гг. [Чудинов 2006: 174—180], мировой финансовый кризис 2008 г. [Салатова 2013] и др. (см. также обзор сфер-мишеней современной политической метафористики в монографии: [Будаев, Чудинов 2006: 123—128]).

А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов в своем «Словаре русских политических метафор» представляют как сферы-источники русскоязычной политической метафористики (раздел 1 — «Метафорические модели политической реальности») [Баранов, Караулов 1994: 1—86], так и сферы-мишени для метафорических образов (раздел 2 — «Мир политики в зеркале метафор») [Баранов, Караулов 1994: 87—306]. Учитывая лексикографический характер своей книги, авторы для дифференциации исходных и конечных понятийных областей используют термины «сигнификативный дескриптор» и «денотативный дескриптор»: «Оппозиция сигнификативного измерения (метафорической модели) и денотативного измерения (область объектов метафорического осмысления) была выбрана для образования системы координат лексикографического описания... Из сказанного ясно, что в первой части словаря — „Метафорические модели политической реальности“ — собраны наиболее частотные метафорические модели, используемые в русском (или, если угодно, русскоязычном) политическом дискурсе. Здесь можно найти метафорические модели ПЕРСОНИФИКАЦИИ, ПУТИ, ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО и др. Вторая часть — „Мир политики в зеркале метафор“ — содержит словарные статьи, в которых конкретным реалиям политической жизни сопоставлены продуктивные и непродуктивные метафорические модели, обнаруженные в имеющемся материале — текстах современной публицистики» [Баранов, Караулов 1994: VI—VII]. Во втором разделе словаря описываются домены-мишени российского политического дискурса — «Власть», «Государство», «Диктатура/тоталитаризм», «Идеология», «Политика», «Политическая деятельность», «Политические лидеры и вожди», «Рынок» и «Субъекты политической жизни», причем каждая понятийная область делится на субсферы (ситуации): так, например, у «Власти» представлены «виды власти», «борьба за власть», «передача/смена власти» и «дисфункция власти»; у «Государства» реализуются «функции

государства» и «государственные структуры»; у «Политики» — «политическая ситуация», «политическое событие» и «политические проблемы» и т. д.

Также в политлингвистических исследованиях при описании метафорической репрезентации конкретных исторических событий иногда используется термин «нарратив».

По мнению Е. И. Шейгал, политический нарратив «является специфическим способом опредмечивания образа мира политики, существующего в сознании языковой личности»; это «совокупность дискурсных образований разных жанров, сконцентрированных вокруг определенного политического события», также «помимо собственно событийного аспекта в нем находят отражение основные категории мира политического: субъекты (агенты) политики, политические ценности и диспозиции, политические действия и стратегии» [Шейгал 2004: 269]. Таким образом, важными признаками политического нарратива будут ситуативность и временная протяженность, многоплановость и полиадресантность: «Для политического нарратива характерна множественность изложения (множественность повествователей) и протяженность во времени... обусловленная, во-первых, тем, что сам жизненный сюжет может быть не завершен и развиваться на глазах у повествователей, и во-вторых, тем, что сюжет оказывается настолько общественно значим, что его переживание растягивается во времени, стимулируя соответствующую коммуникацию. Разновидностями политического нарратива являются такие сложные коммуникативные события, как избирательная кампания, кампания протеста...» [Шейгал 2004: 270].

Главное отличие политического нарратива от политического сценария состоит в том, что нарратив — это «порождение» и неотъемлемая часть политического дискурса, нарратив не принадлежит всему политическому языку, так как он реконструируется только по материалам публицистики и «живой» политической речи. Нарратив испытывает сильное воздействие текущей политической ситуации, поэтому количество и частотность метафорических моделей каждого конкретного политического нарратива не соотносятся с таковыми показателями узуального пласта социально маркированной лексики. Научную ценность при комплексном рассмотрении всего корпуса политической метафорики может представлять сопоставительный анализ узуальных и дискурсивно-нарративных свойств политических текстов, включающий в себя в том числе и таксономию коммуникативно-языковых группировок метафор в каждом сегменте социальной коммуникации.

Нарративные исследования в политической лингвистике, посвященные выборам и другим социально значимым событиям, получили широкое распространение в XXI в., но при

этом только некоторые работы содержат в своем заглавии термин «нарратив» [ср., напр.: Ряпосова 2002 vs. Веснина 2010; Ворожцова 2007; Иванова 2007; Каслова 2003; Салатова 2013; Солопова 2006; Таратынова 2012].

Термин «когнитивный сценарий», детерминирующий всю современную социально-политическую коммуникацию, представляется удачным, поскольку в семантике слова «сценарий» присутствуют семы предопределенности, распределения ролей, планирования действий. В политике все решения принимаются скрыто от широкой публики, «за кулисами» недоступных простым гражданам властных кулуаров, а общественности преподносятся уже готовые, прописанные кем-то (государством, правительством, партией, олигархами и т. д.) решения; лоббирующим силам при этом предписываются «роли». Сценарии общественной жизни концептуализируют социальную действительность, они постоянны, меняются в них только субъекты, объекты, реляции, исторические события и их оценка властной элитой и идеологий государства. Сценарий реализуется в некоторых типических ситуациях, сценах.

В современной немецкоязычной социально-политической коммуникации выделяются пять базовых сценариев партийно-политической и общественной жизни современной единой Германии (1990—2005) [Керимов 2014б: 130]:

- Сценарий 1. «Политические процессы в мире» (3 сцены).
- Сценарий 2. «Государственные институты ФРГ» (10 сцен).
- Сценарий 3. «Партийно-политическая жизнь ФРГ» (5 сцен).
- Сценарий 4. «Общественная жизнь Германии» (6 сцен).
- Сценарий 5. «История государства и общества» (5 сцен).

В предыдущем номере «Политической лингвистики» представлен подробный обзор первых двух немецкоязычных политических сценариев («Политические процессы в мире» и «Государственные институты ФРГ») [Керимов 2014б]. Далее предлагается рассмотрение трех оставшихся когнитивных сценариев, с использованием (для удобства и структурной целостности) общей сквозной нумерации с учетом уже ранее рассмотренных первых двух.

СЦЕНАРИЙ 3. «ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ФРГ»

В политической жизни современной единой Германии самую важную роль играют политические партии, которые в конкурентной борьбе через выборы делегируют своих представителей на всех уровнях (федеральном, земельном, региональном, коммунальном) в законодательные (бундестаг, земельные парламенты) и исполнительные (федеральное правительство во главе с канцлером, земельное правительство во главе с премьер-министром)

органы государственной власти, а также на пост формального главы государства — Федерального президента (который, правда, после утверждения в должности по закону обязан покинуть свою политическую партию).

В связи с этим межпартийная конкуренция является ключевым фактором всех общественно-политических процессов, протекающих в ФРГ, что также делает данную область активной целью для метафорических высказываний как однопартийцев, так и политических оппонентов. На основе анализа актуального корпуса антропоморфной метафоры были смоделированы пять базовых сцен данного сегмента понятийной сферы-мишени, представляющих ключевые действующие силы в партийно-политической жизни Германии: правительство (формируется победившей на выборах в бундестаг партией или коалицией партий), оппозиция (ее образуют проигравшие на выборах или не вошедшие в коалицию партии), представители своей партии/фракции (в парламенте) и политические оппоненты, а также различные реляции и реалии внутрипартийной жизни и межпартийной борьбы.

Актуальность вопросов внутрипартийных отношений объясняется тем, что в германской политической системе существует традиция так называемой свободы совести, когда любой депутат имеет право голосовать так, как считает нужным, высказывать свои собственные взгляды на обсуждаемые проблемы, не считаясь с тем, что ему предписывает в каждом конкретном случае его партия. Именно данное противоречие между традиционной свободой самостоятельного выбора позиции и навязыванием общепартийного взгляда создает пищу для разногласий, скандалов, политического торга и переговоров.

Наконец, сцена «политическая деятельность» охватывает обобщенную сферу активной общественной деятельности гражданина, в той или иной степени связанной с политикой, но напрямую не указывающей на конкретную партийную принадлежность социально активного гражданина.

СЦЕНА 3.1. «ПРАВИТЕЛЬСТВО»

При метафорическом представлении деятельности правительства в социально-политической коммуникации в целом можно отметить две тенденции: положительную самооценку членами правительства своей работы и критику решений правительства со стороны оппозиции. В единой Германии (с 1990 г.) до 1998 г. у власти была коалиция партий ХДС/ХСС и Свободной демократической партии (во главе с канцлером Гельмутом Колем), а в 1998—2005 гг. правительство составляла коалиция СДПГ и Партии зеленых (во главе с Федеральным канцлером Герхардом Шрёдером).

Правительство, говоря о своей деятельности, часто создает впечатление о проведении

успешных экономических реформ и равномерном развитии страны:

• *Die Bundesregierung ist dieses Problem mit der Rentenreform umfassend und aktiv angegangen. Wir haben in diesem Zusammenhang mit dem Altersvermögensgesetz erstmals die ergänzende Kapitaldeckung für die Altersvorsorge eingeführt. Das ist ein Quantensprung für Deutschland und ein wichtiger Beitrag zur Zukunftssicherung* [Müller 2003];

• *In der Wirtschafts- und Finanzpolitik müssen wir jetzt klaren Kurs halten und die Politik für mehr Beschäftigung am Standort Deutschland entschlossen fortsetzen* [Waigel 1998: 3].

Депутаты от правящей коалиции ХДС/ХСС и СвДП высоко отзывались о работе своего однопартийца Федерального канцлера Г. Коля, представляя его фигуру как «скалу у прибоя», «лоцмана» и акцентируя внимание на его политической твердости и опыте, ср.: *Gebraucht werden Welterfahrung, klare Führung, Verlässlichkeit — kurz: ein Fels in der Brandung, ein Lotse, kein Segel, das sich nach jedem Lüftchen dreht, — Das ist Helmut Kohl* [Waigel 1998: 4].

Критика оппозицией действующего правительства заключается в описании якобы негативных, «разрушительных» последствий принимаемых решений для экономики страны, отсутствии политической воли, незнании текущей ситуации, для чего используются яркие метафорические образы с негативной оценкой:

• *In welches Bundesland wir auch schauen, die Bilanz der sozialdemokratischen Wirtschaftspolitik ist verheerend* [Friedhoff 1998: 4].

• *Kohl ist demnach „am Ende seines Lateins“, weil er es versäumt habe, den Bürgern die Wahrheit zu sagen* [BZ 1995].

• *Schröder ist für den Schmusekurs mit den Unternehmen zuständig, die zuvor von Lafontaine geschöpft worden sind* [Waigel 1998: 4].

Также критика может состоять в дискредитации правительства путем подтасовки фактов, высвечивания одного из аспектов работы, разоблачения, для чего, например, в следующих случаях манифестируются религиозная и волшебномифологическая метафорика: *Innovationen und Arbeitsplätze: Die Bundesregierung singt immer wieder das Hohelied von Spitzentechnologien und Millionen von Arbeitsplätzen* [Kiper 1998: 4]; *Nun hat die Bundesregierung kurz vor der Wahl ein Füllhorn zusätzlicher ABM-Gelder ausgeschüttet, um mit scheinbaren Erfolgen am Arbeitsmarkt aufwarten zu können* [Luft 1998: 4].

В социально-политической коммуникации иногда встречаются ситуации, когда в ходе дебатов в бундестаге депутаты от противоположной фракции используют метафорические контексты своих оппонентов, придавая им ироничный и/или негативный смысл, в том числе путем домисливания (дистраивания) чужого образа в невыгодном для автора данного высказывания свете или делая другие выводы из актуального смысла: *Sehen Sie, auch das erspa-*

ren Sie mir jetzt nicht: Wenn Sie Helmut Kohl als Weltklasse plakatieren und ihn zum Stabilitätsanker erklären, dann möchte ich sagen: Kohl muß weg [Lafontaine 1998: 5].

При дискредитации персоны канцлера Германии Г. Коля у его оппонентов была популярной шутка, построенная на игре слов с участием фамилии Коля. Дел в том, что его фамилия «Kohl» созвучна перфектному причастию «verkohlt» от глагола «verkohlen», имеющего прямое значение «обугливать, превращать в уголь» и уже зафиксированное в словаре переносное значение «поддразнивать (кого-л.); подтрунивать (над кем-л.); обманывать, водить за нос (кого-л.)». В контексте высказывания якобы негативные последствия правления в Германии канцлера Г. Коля как раз обозначаются глаголом «verkohlen» («обугливать (что-либо)», «сжигать»), характеризуя время правления Г. Коля с 1982 г. по 1998 г. как «16 „обугленных“ лет»: *16 „verkohlte“ Jahre auf dem Arbeitsmarkt lassen sich eben nicht einfach ausräumen, vor allem dann nicht, wenn die Staatsfinanzen so wie in den letzten Jahren heruntergewirtschaftet wurden* [Ostertag 1998: 8].

СЦЕНА 3.2. «Оппозиция»

В свою очередь, правительство с трибуны парламента активно критикует оппозицию, в том числе, точно так же как и сама оппозиция правительство, голословно. Федеральное правительство обычно обвиняет оппозицию в нежелании сотрудничать, «пустых» лозунгах, неконструктивной критике, распространении паники среди населения, излишнем пессимизме, при этом используя яркие религиозные, музыкальные, гастрономические образы:

- *Aber wir brauchen heute keine Chilisten und Eschatologen, keine Untergangsstrategen und Pessimismus-Philosophen, die alles schlechtmachen und negativ bewerten, sondern eine begründete Philosophie, mit der wir den Menschen sagen können, daß wir die Arbeitslosigkeit vermindern* [Geißler 1998: 9];

- *In dieser Debatte wurde von der Opposition aber nur dröge Mäkelei geboten, von ihr ging keine Faszinationskraft aus, und die Fanfarenstöße fehlten* [Riesenhuber 1998: 8];

- *Ich sage Ihnen eines: Die Opposition hat nur Nebel verbreitet, ihre Rezepte stammen aus den 70-er Jahren, auch wenn Sie sie mit dem Gewürz „Umwelt“ ein bisschen aufpeffern und Sie sie außerordentlich mit dem Wort „Gerechtigkeit“ verzuckern* [Babel 1998: 6].

Критика оппозиции может состоять и в отклонении ее предложений по обсуждаемым проблемам, как это эксплицируется в следующем отрывке, где задействуется выражение „j-n, etwas in den Orkus schicken / stoßen / befördern“ в значении „(geh.) j-n, etwas vernichten, beseitigen“ [DGWDS]: *Dieses Kombinationsmodell muß in den Orkus* [Metzger 1998: 8].

Иногда министры действующего правительства нелестно отзываються об оппозиции,

которая, находясь у власти до этого правительства, делала всё неправильно, оставив после себя «тяжелое наследие», с которым пришлось разбираться уже новому правительству, ср.: *Am Ende Ihrer Regierungszeit waren es noch ganze 340.000 junge Leute, weil Sie trotz der Inflationsrate die Grundlagen für die Anspruchsberechtigung nicht verändert haben. Das war Investitionsstau, das war unterlassene Zukunftsvorsorge* [Eichel 2003].

Правительство также со своей стороны дискредитирует оппозицию и ее якобы пустые обещания: *Das Schicksal der Arbeitslosen war ihnen egal. Sie wollten die Wahl auf dem Rücken der Arbeitslosen gewinnen* [Rüttgers 1998: 5].

СЦЕНА 3.3. «ВНУТРИПАРТИЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Внутрипартийные отношения редко становятся предметом дискуссии, особенно со стороны официальных лиц, и, как правило, в контексте риторики о необходимости развивать и совершенствовать политическую систему Германии. Так, президент Й. Рау, который до своей инаугурации был членом СДПГ, делился своим мнением о том, что в СДПГ всё реже учитываются интересы верующих и немецкой церкви, в связи с чем используется образ «желобка для дождевой воды» („das Rinnsal“): *Dieser religiöse Sozialismus ist in der Sozialdemokratie aber ein ganz dünnes Rinnsal gewesen* [Rau 2000: 296].

К данной тематике относятся реалии повседневной деятельности немецких партий, описываемые в средствах массовой информации:

- *Auf dem Wahlparteitag ... hätte die SPD Zeit, über Reformen zu diskutieren. — Das werden wir tun. Ich hoffe, dass wir es schaffen, ohne unfruchtbare Konflikte sozialverträgliche neue Wege zu gehen* [BZ 2001].

- *„Wir stehen insgesamt auf dem Prüfstand“, sagte er vor vier Wochen auf einem CDU-Parteitag in Gießen...* [ND 2001].

СЦЕНА 3.4. «МЕЖПАРТИЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

Межпартийные отношения, в отличие от внутрипартийных, являются в социально-политической коммуникации очень насыщенной темой для обсуждений, причем как самими субъектами партийно-политических процессов, так и третьими лицами, что связано с тем, что именно партии борются за власть и делегируют своих представителей на важнейшие государственные должности при победе на выборах.

Федеральный президент Й. Рау относился к острой межпартийной борьбе как к «идеологической окопной войне», в которой он не хотел участвовать: *Es ist nicht meine Aufgabe, mich an parteipolitischen Grabenkämpfen zu beteiligen* [Rau 2001b: 409].

Также Й. Рау отмечал, что в последнее время в Германии между партиями стираются идеологические границы и все партии начина-

ют походить друг на друга, уподобляясь неким «партийным холдингам»: *Wenn sich die Parteien nur noch durch die Köpfe an ihrer Spitze, durch die Gestaltung ihres Internetauftritts und die Farben ihrer Wahlplakate unterschieden, dann waren wir auf dem Weg zu einer Art Parteien-Holding, deren Teile nach außen unterschiedlich auftreten, aber ein gemeinsames Unternehmensinteresse haben* [Rau 2002b: 638].

Помимо этого, президент ФРГ призывал политиков внимательно слушать и понимать друг друга, а не только говорить о своих требованиях и проблемах, что образно представлено как посещение семинаров по обучению правильному слушанию („Zuhörerseminare“) вместо обучения ораторскому искусству („Rednerschule“): *Ich glaube, dass wir Politiker und gesellschaftlich Handelnde brauchen, die die Gabe des Zuhörens haben, und die erst antworten, wenn sie zugehört haben. Darum habe ich früher gesagt, wir sollten nicht in Rednerschulen gehen, sondern auf Zuhörerseminare, damit die Menschen wirklich das Gefühl haben, dass ihre Sachen vertreten wird und nicht nur Menschen sich darstellen, die ein politisches Mandat haben* [Rau 2001b: 364—365].

В германских СМИ часто обсуждаются взаимоотношения не только между главными антагонистами на политической арене Германии: партией ХДС/ХСС и СДПГ, но и внутри коалиций ХДС/ХСС и СвДП, СДПГ и Партии зеленых, где также случаются конфликты интересов и идеологические расхождения: *Die Grünen waren sehr viel realistischer. Ein „Ritt über den Bodensee“ werde das Regieren mit diesem schwierigen Partner SPD... Dennoch wollen die Grünen den Schritt in die Regierung mit einer SPD wagen...* [Welt 1998].

С другой стороны, СМИ часто разоблачают сговор партий, которые порой действуют не во благо граждан Германии, а в угоду собственным интересам, что выражается в следующих контекстах устойчивым сочетанием „mit j-m vom selben Teller essen“ в значении „gemeinsam handeln, vorgehen“ [CUGWDR] и известной посылкой латинского происхождения („Manus manum lavat“): *Sollte allerdings die CDU über den Wahltag hinausdenken und labile Verhältnisse verhindern wollen, müsste sie aufhören mit dieser Misstrauenskampagne. Sie will schließlich mit ihrem Koalitionspartner weiter vom selben Teller essen. Weil sie es müssen wird* [Tagesspiegel 1999]; *Als die PDS-Fraktion im vergangenen Jahr dem Haushaltsposten „Verfassungsschutz“ nicht zustimmen wollte, hatte Gysi, als der Morgen graute, die Mehrheit für Hoppner organisiert. Dafür werden auch die Interessen der PDS in Sachsen-Anhalt berücksichtigt und in konkrete Politik umgesetzt — eine Hand wäscht die andere* [Spiegel 1995].

Следует отметить, что коалиции партий иногда получают метафорическое обозначение, которое сначала функционирует как традиционное, а потом уже попадет в словарь,

узализируясь. Так, правящая коалиция 1998—2005 гг. в составе трех партий именовалась „die Ampelkoalition“ (букв. «светофорная» коалиция), что явилось следствием переосмысления цветообозначений этих партий (красный — СДПГ, желтый — СвДП, зеленый — «Зеленые»), которые как раз и составляют три цвета светофора, причем это слово отмечено и в толковых словарях. Этот образ получил дальнейшее развитие, и, например, переговоры этих трех партий получили обозначение „Ampelgespräche“.

СЦЕНА 3.5. «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

В данном фрагменте сферы-мишени антропометафорической экспансии описываются как ситуации выбора политической партии, так и процессы иной общественной деятельности, связанной со сферой политики, но при этом партийно не детерминированной.

Так, например, в немецкоязычной социальной коммуникации представлен ряд устойчивых устойчивых выражений со значением неверного (для карьеры) выбора (партии) с использованием образов разных исходных понятийных сфер:

- „das falsche Gesangbuch haben“ — „eine der Karriere nicht förderliche Parteizugehörigkeit haben“ [CUGWDR] (букв. «выбрать не ту псалтырь»);

- „aufs falsche / richtige Pferd setzen“ — „(ugs.) die Lage falsch, richtig einschätzen und entsprechend handeln“ [DGWDS] (букв. «сесть не на ту / на ту лошадь»).

При этом можно пытаться угодить двум партиям, как это эксплицируется, например, в следующих устойчивых выражениях: „zwischen zwei Stühlen sitzen“ — „es sich mit beiden (streitenden) Parteien verscherzt haben“; „auf beiden [auf zwei] Schultern Wasser tragen“ — „zwei Parteien gleichzeitig gerecht werden (wollen)“ [CUGWDR]. Либо, наоборот, можно показать свою нелояльность кому- / чему-либо: „j-m die kalte Schulter zeigen“ — „sich gegenüber j-m abweisend verhalten“ [CUGWDR]: *Konrad Weiß zeigt CDU die kalte Schulter...* [BZ 1991].

Политическая деятельность является важной для общества и государства, в связи с чем Й. Рау именовал ее «политическим ремеслом» („der Politikbetrieb“): *Die immer kürzeren Formate in den Medien fördern den Trend zur Personalisierung politischer Vorgänge. Das bedeutet für den Politikbetrieb und für das Funktionieren seiner Institutionen viel* [Rau 2001b: 419].

Ситуация управления, осуществления властных полномочий представлена в устойчивых выражениях из техногенной сферы (как управление механизмом) и театральной среды (сравнение с кукловодом, который управляет куклой): „alle Hebel ansetzen [in Bewegung setzen]“ («(перен.) пустить в ход все средства, привести в действие все рычаги»); „am Drücker sitzen [sein]“ («быть у руля; заправлять чем-либо»); „Er hält die Faden dieses Unternehmens

in seiner Hand» (букв. «Все нити этого предприятия в его руках»).

Глагол „betreiben“ («заниматься (чем-либо)»); в технологической области имеет значения «приводить в движение [в действие]; эксплуатировать», но может проецироваться в сферу абстрактного, ср.: «вести, проводить (политику, кампанию и т. п.); преследовать (цель); хлопотать (о чем-либо), ускорять (что-либо)», например: „einen Prozess betreiben“ («вести тяжбу [судебное дело]»); „eine Heirat betreiben“ («вести дело к женитьбе»); „das Wettrüsten betreiben“ («проводить гонку вооружений»); „eine gemeinsame Politik betreiben“ («проводить общую политику»). В швейцарском варианте немецкого языка глагол „betreiben“ имеет также значение «платить налоги» [CUGWDR].

Интересными представляются введенные еще К. Марксом образы «базиса» („die Basis“) и «надстройки» („der Überbau“), которые составляют структуру общества. Слово «базис» получило дальнейшее «политическое» развитие и стало обозначать еще «членов партий, профсоюзов, движений и пр.»: „die Basis“ — „5. b) die Mitglieder einer politischen Partei, einer Gewerkschaft, Bewegung, die nicht zur Führung gehören“ [DGWDS], например: „die Zustimmung der Basis einholen“.

СЦЕНАРИЙ 4 «ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГЕРМАНИИ»

Реалии общественной жизни в Германии занимают весомое место в социально-политической коммуникации ввиду высокой степени развитости гражданского общества и чрезвычайно активной социальной позиции немецких граждан. В данном сценарии можно выделить 6 базовых когнитивных сцен, охватывающих актуальные сегменты общественного ландшафта современной ФРГ: общественные отношения, куда относятся социально значимые политически и партийно недетерминированные реляции внутри общества между его гражданами; социальный статус (чаще всего определяемый финансами); описание социально обусловленных аспектов жизнедеятельности человека, а также некоторые реалии профессиональной, экономической и асоциальной деятельности рядового гражданина.

Сцена 4.1. «Общественные отношения»

К данной сцене причисляется репрезентация социально значимых отношений на общественном уровне: различные межличностные социальные связи, социальная иерархия, исполнение руководящих функций и пр.

Специфика данного фрагмента такова, что здесь представлены социально значимые действия отдельного гражданина, вне какой-либо политической и партийной детерминированности, поэтому общественные отношения в социально-политической коммуникации манифестируются преимущественно узуальными образами.

Так, ситуация контроля (над кем-/чем-либо) отражается в ряде выражений с ключевым именем „der Finger“: „seinen [den] Finger drauf haben“, „j-m auf die Finger sehen [schauen/gucken]“, „den Finger am Drücker haben“ [CUGWDR] («иметь власть [решающий голос]»; букв. «держат палец на кнопке»).

Номинация „das Horn“ («рожек, корнет») представлена в устойчивых выражениях со значением «быть с кем-то одного мнения», «поддерживать чье-либо мнение»: „ins gleiche [dasselbe] Horn blasen [stoßen / tuten]“ — „mit j-m der gleichen Meinung sein; j-n in seiner Meinung unterstützen“ [CUGWDR] (букв. «дудеть в одну и ту же дудку»).

Надменное, высокомерное отношение к окружающим актуализируется при использовании (в непрототипической функции) образа лошади, что имеет под собой историческую подоплеку, связанную с тем, что в Средние века и вплоть до Нового времени аристократы (а, соответственно, и богатые люди) могли себе позволить ездить на лошадях и таким образом смотреть на представителей других, в социальном отношении более низких/бедных классов (крестьянство, бюргерство) как бы (находясь верхом) сверху вниз, что нашло отражение в следующей идиоме, описывающей данную ситуацию в том числе наоборот — если слезть с лошади, то перестаешь на всех смотреть свысока: „sich aufs hohe Ross setzen“ — „eine hochmütige, überhebliche Haltung annehmen“ [DGWDS]; „auf dem/[s]einem hohen Ross sitzen“ — „hochmütig, überheblich sein“ [DGWDS]; „von seinem hohen Ross herunterkommen/-steigen“ — „seine hochmütige, überhebliche Haltung aufgeben“ [DGWDS].

Лексема «карман» („die Tasche“) в составе устойчивых сочетаний также может выражать проявление преимущества, власти над кем-либо/чем-либо (то есть кого-то как вещь кладут в свой карман) или получения чего-либо (что уходит в свой карман как некий предмет): „j-n in die Tasche stecken“ / „j-n in der Tasche haben“; „etwas (schon) in der Tasche haben“ — „etwas mit Sicherheit bekommen werden; etwas schon haben“ [CUGWDR]: „Du hast das noch nicht in der Tasche“ («Ты это ещё не получил»; букв. «это у тебя еще не в кармане»).

Ситуация отстранения кого-либо от должности (отправки в отставку), разрыва личных отношений связана с образом «запасного (железнодорожного) пути (отстойного сортировочного пути)» („das Abstellgleis“) в следующих идиомах:

- „j-n aufs Abstellgleis schieben“ — „j-n seines Einflusses, seines Wirkungsbereiches berauben“ [CUGWDR]: „Er wurde aufs Abstellgleis geschoben“;

- „aufs Abstellgleis kommen“ — „seines Einflusses, seines Wirkungsbereiches beraubt werden“ [CUGWDR].

Устранение оппонентов (политических, экономических и др.) описывается в узуальном со-

четании „j-n an [gegen] die Wand drücken“ — „einen Konkurrenten o. Ä. rücksichtslos beiseite, in den Hintergrund drängen“ [CUGWDR] (букв. «прижать кого-либо к стене»).

В выражении с компонентом „das Gas“ („der Gashahn“) репрезентируется ситуация причинения кому-либо экономического вреда, разорения кого-либо посредством «перекрывания вентиля газопровода»: „j-m das Gas [den Gashahn] abdrehen“ — „j-n (wirtschaftlich) zugrunde richten, ruinieren“ [CUGWDR] (ср. в рус. языке: «перекрыть кому-либо кислород»).

Такое действие, как обман, в немецкоязычной социальной коммуникации объективируется метафорами волшебной тематики во фразеологизмах „das ist (ein) fauler Zauber“ («это сплошной обман»); „j-m faulen Zauber vormachen“ («морочить кому-либо голову»); „mach doch keinen (faulen) Zauber!“ («не прикидывайся!»); „den Zauber kennen wir!“ («знаем мы эти штучки!»).

Физиоморфная метафорика также активно описывает различные действия гражданина на уровне общественных отношений. Так, например, «шея» („der Nacken“) представлена в ряде устойчивых выражений как маркер силы воли:

- „einen steifen Nacken haben“ (быть упрямым; быть гордым);
- „j-m den Nacken steifen“ («подбадривать кого-либо; укреплять чью-либо волю к сопротивлению; поддерживать в ком-либо твердость духа»);
- „j-m den Nacken beugen“ («сломить чье-либо сопротивление [упрямство], покорить кого-либо; согнуть в бараний рог»);
- „den Nacken (unter das Joch) beugen“ («подчиниться, покориться; гнуть спину»);
- „j-m den Nacken ins Joch zwingen“ («покорить [поработить] кого-либо»);
- „j-m den Fuß auf den Nacken stellen [setzen]“ («поработить [подчинить] кого-либо»).

«Локти» („der Ellenbogen“), в свою очередь, также выполняют не основную (физиологическую) функцию, а служат способом занять выгодное положение в обществе, как бы расталкивая, оттесняя при этом (именно локтями) других людей: *Die kalte Logik des Marktes in allen gesellschaftlichen Bereichen kann höchstens zur Ellenbogenmentalität...* [Rau 2001b: 70].

СЦЕНА 4.2. «СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС»

Значимыми в социально-политической коммуникации являются и вопросы, связанные с социальным статусом человека, причем в немецком обществе данный критерий коррелирует не только с понятием богатства, капитала и прочих финансово-денежных маркеров, но и с внешним проявлением деловой хватки и карьерной успешности.

Социальный достаток человека концептуализируется в ряде устойчивых выражений, например „der hat aber Platten“ (букв. «у него есть пластинки»), происхождение которого объясняется тем, что в начале XX в., когда появи-

лось данное высказывание, пластинки были только у состоятельных граждан.

Образ «ложки» („der Löffel“) представлен в следующих выражениях, где она является социальным маркером и отражает переосмысление буквального и виртуального (мыслимого) действий: „mit einem silbernen [goldenen] Löffel im Munde geboren sein“ («быть родом из богатой семьи»; букв. «родиться с серебряной/золотой ложкой во рту»); „er tut, als hätte er die Weisheit mit Löffeln gegessen [gefressen]“ (разг. «он считает себя очень умным, он очень высокого мнения о своем уме, он считает себя умнее всех»).

Номинация „der Nacken“ фигурирует также при описании различных негативных качеств характера и социального статуса человека (с негативной оценочностью): „den Schalk [den Schelm] im Nacken haben“ («быть плутом [проказником]»); „ihr sitzt der Geiz [die Habsucht] im Nacken“ («она скупа [жадна]»); „er hat den Spieß im Nacken“ («его мещанская суть [мещанское нутро] дает себя знать [выпирает наружу]») и т. п.

В свою очередь, социальный недостаток и нужда могут быть представлены узуальными единицами с компонентом „der Salz“ («соль») (в Средние века соль стоила дорого, и ее могли позволить себе только состоятельные граждане): „sich nicht das Salz aufs Brot [in die Suppe] verdienen“ — „nicht in der Lage sein, so viel zu verdienen, dass es zum Leben reicht“ [CUGWDR]; „ich brauche es wie Salz und Brot“ («мне это нужно как воздух»); „nicht das Salz zur [in die] Suppe verdienen“ («не заработать даже на кусок хлеба»; букв. «не заработать даже на соль в суп»); „er hat nicht das Salz zum Brote“ («он не имеет самого необходимого, он живет в крайней нужде»; букв. «у него нет соли на хлеб»).

Следует отметить, что социальный статус человека — сущность виртуальная и определяется отношением к данному человеку со стороны общества (иногда отношение общества может и не соответствовать реальному положению дел).

Так, например, женатый мужчина может иметь статус «подкаблучника», если таковым его считают окружающие. В немецком языке образ зависимого от волеизъявления жены мужчины также реализуется текстильной метафорой, но если в русском языке задействуется обозначение составной части обуви (т. е. «находящийся под каблуком»), то в немецком эксплицируются уже «домашние туфли (без задника)» („der Pantoffel“), ср.: „unter dem Pantoffel stehen“ — „von der Ehefrau beherrscht, unterdrückt werden“ [CUGWDR], например: „Er steht unter dem Pantoffel“, „Er ist unter den Pantoffel gekommen [geraten]“.

В современной ФРГ вопросы социального статуса и деловой репутации четко регламентируются, являясь важной частью общественных отношений.

СЦЕНА 4.3. «СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНИНА»

Социально значимые действия гражданина детерминируют представление различных аспектов жизни в обществе, связанных с выполнением возложенных на него обязательств, со взаимодействием с обществом и с бюрократическим аппаратом государства, с ситуацией выражения своей гражданской позиции.

Например, интересный религиозный образ, основанный на использовании имени упоминающегося в Библии римского прокуратора Иудеи Понтия Пилата („Pontius“), в разговорном языке описывает преодоление бюрократических препон, связанное с тратой времени и усилий, в выражении „von Pontius zu Pilatus laufen“ — (ugs.) „in einer Angelegenheit viele Wege machen müssen, von einer Stelle zur anderen gehen bzw. geschickt werden“ [DGWDS].

Принятие социально важных решений может быть описано в том числе и метафорой поезда, который «уже ушел» или «оказался не тем, какой нужен»:

- „der [dieser] Zug ist abgefahren“ — „es ist zu spät, man kann nichts mehr ändern“ [CUGWDR] («поезд уже ушел, слишком поздно, опоздали (что-либо делать)»);

- „im falschen Zug sitzen“ — „sich für das Falsche entscheiden, sich geirrt haben“ [CUGWDR] («принять неправильное решение, ошибиться»; букв. «сидеть не в том поезде»).

К негативной, антисоциальной деятельности можно отнести и социальную пассивность гражданина, его нежелание трудиться и т. п., что в следующих идиомах передается с помощью физиологических образов: „auf der faulen Haut liegen“, „sich auf die faule Haut legen“ [CUGWDR] («лениться, бездельничать»).

СЦЕНА 4.4. «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Иногда узуальные вторичные номинации представляют профдеятельность человека (как правило, в общем, как обозначение карьерного развития, реже — касательно какой-либо конкретной профессии). Так, например, лексема „die Pike“ («пика, копье») присутствует в составе фразеологизмов, описывающих ситуацию начала карьеры с самого низа, как в армии в Средние века начинали службу простым солдатом, который воевал пикой: „etwas von der Pike auf lernen [arbeiten / anfangen]“ — „etwas von Grund auf erlernen“ [CUGWDR]; „von der Pike auf dienen“ — „eine Laufbahn auf der untersten Stufe beginnen“ [CUGWDR].

Выполнение какой-либо работы, в том числе в большом объеме, отражено в таких высказываниях, как „die ganze Arbeit liegt auf seinem Rücken“ («вся работа лежит [держится] на нем» (букв. «на его плечах»)); „Er muss tüchtig spinnen“ («Ему приходится много работать / вкалывать» (букв. «прясть (пряжу)»)).

Карьерный рост традиционно обозначается подъемом вверх по «карьерной лестнице», что

представлено и в немецком словаре: „die Treppe hinauffallen“ — „einen plötzlichen und unerwarteten (beruflichen) Aufstieg erleben“ [CUGWDR].

Наименование конкретной профессии происходит, например, в выражении с участием библейского персонажа апостола Иакова („Jakob“), имя которого (при атрибуции соответствующим прилагательным) получило в разговорном немецком языке вторичное значение «торговец дешевыми товарами», в связи с чем в переносном смысле у данного существительного даже появилась форма множественного числа, образуемая с помощью суффикса „-s“: „billiger Jakob“ — „(ugs.) Händler, bei dem die Waren besonders billig sind“ [DGWDS].

СЦЕНА 4.5. «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Экономическая деятельность отдельного гражданина связана с процессами зарабатывания и траты денег, а также с иными ситуациями, относящимися к финансам и материальным благам (покупка, продажа (чего-либо), получение наследства, дать/взять деньги (в долг) и т. п.). Экспликантами данных отношений являются, как правило, узуальные единицы, которые также могут образовывать целостные семантические поля вокруг определенного центрального образа.

Так, например, от глагола „pumpen“ («качать (насосом)») в разговорной речи появились эантиосемичные переносные значения: 1) «(bei, von Dat.) занимать, брать займы (деньги у кого-либо)»; 2) «(Dat.) одалживать, давать займы [в долг] (кому-либо)» [CUGWDR]. Второе значение глагола „pumpen“ представлено в семантике имени существительного „der Pump“ и в устойчивых сочетаниях с ним (в переносном значении): „auf Pumpen“ — „(ugs.) mit geborgtem Geld, auf Borg, auf Kredit“ [DGWDS]; „etwas **auf Pumpen** kaufen, anschaffen, bekommen, finanzieren“; „j-m etwas **auf Pumpen** verkaufen“; „**auf Pumpen** leben, konsumieren, einkaufen“; „ein Luxusleben **auf Pumpen**“; „Die Solidarpakt-Partner waren sich einig, dass die Politik **auf Pumpen** ausgereizt ist“ [Spiegel 1993, Nr. 11: 19].

Процесс зарабатывания денег своим трудом, в частности, передается также и образом «хлеба» (ср. в рус. яз.: «заработать себе на хлеб»): „(seine) Brötchen verdienen“ — „seinen Lebensunterhalt verdienen“ [CUGWDR].

Обширное семантическое поле сформировалось вокруг образа «кармана» („die Tasche“), куда, в том числе, относятся репрезентации разных финансовых операций, когда у «кармана» актуализируется функция вместилища денежных средств. Соответственно процесс «опустошения кармана» означает растрату этих денег, а «наполнение карманов», в свою очередь, подразумевает приобретение денежных средств и т. п., ср. следующие идиомы:

- „j-m die Taschen leeren“ — „(ugs.) j-m [auf hinterhältige Weise] sein Geld abnehmen“ [DGWDS];

- „sich (Dat.) die eigenen Taschen füllen“ — „(ugs.) sich bereichern“ [DGWDS];
- „j-m die Taschen füllen“ — „(ugs.) j-m zu unrechtmäßigem Profit verhelfen“ [DGWDS];
- „etwas aus eigener/der eigenen Tasche bezahlen“ — „etwas selbst bezahlen“ [DGWDS];
- „j-m etwas aus der Tasche ziehen“ — „(ugs.) j-m etwas, besonders Geld [auf hinterhältige Weise] abnehmen“ [DGWDS];
- „j-m auf der Tasche liegen“ — „(ugs.) sich von j-m unterhalten lassen“ [DGWDS];
- „tief in die Tasche greifen müssen“ — „viel zahlen müssen“ [CUGWDR];
- „in die eigene Tasche arbeiten, wirtschaften“ — „(ugs.) auf betrügerische Weise Profit machen“ [DGWDS];
- „j-m in die/j-s Tasche arbeiten, wirtschaften“ — „(ugs.) j-m in betrügerischer Weise materielle Güter zukommen lassen“ [DGWDS];
- „(sich) in die eigene Tasche arbeiten [wirtschaften]“ — „sich durch Unterschlagung bereichern; unterschlagen“ [CUGWDR].

Экономическая деятельность отдельного гражданина и/или семьи образно описывается также и конвенциональными метонимиями [см.: Федянина 2008; Керимов, Федянина 2014].

СЦЕНА 4.6. «Асоциальная деятельность»

К аспектам асоциальной деятельности относятся ситуации взяточничества, воровства, сокрытия налогов и иные преступления, которые получили образное обозначение, преимущественно на узуальном уровне, реже — в традиционной символике и креативных конструкциях. Так, например, при описании дачи взятки используется милитарная метафора в следующем узуальном сочетании: „mit goldenen [silbernen] Kugeln schießen“ («добиваться влияния [успеха] деньгами; давать взятки»; букв. «стрелять золотыми/серебряными пулями»).

Нарушения в налоговой сфере физическими и юридическими лицами, сокрытие налогов в немецком разговорном языке вербализуется с участием религиозного компонента композитом „die Steuersünden“ (Pl.) (букв. «налоговые грехи»).

Интересный метафорический образ (на метонимической основе) связан с «белым воротничком» (англ. „white-collar“). Данная метафора калькирована в немецкий язык из английского языка, в котором сочетание „white-collar“ (по принципу бахуврихи) указывает на работников офиса (которые, помимо прочего, имеют данную часть предмета одежды, работая в костюмах), а имя прилагательное „white-collar“ обладает значением «канцелярский, конторский, относящийся к работе в офисе» [DGFW], в связи с чем преступные деяния в сфере бизнеса, совершаемые путем мошенничества, подлога и прочего, в английском языке получили наименования „white-collar crime“, „white-collar criminal“, „white-collar criminal mo-

nopoly“ [CUGWDR]. Выражение „white-collar crime“ было заимствовано в немецкий язык, причем весьма примечательным способом: первая часть, „white-collar“, была взята в неизменном виде, а вторая, „crime“, была переведена на немецкий язык, что дало в совокупности уникальный англо-немецкий композит: „die White-Collar-Kriminalität“.

Ситуации мздоимства и казнокрадства, лоббирования чиновниками своих личных и/или партийных интересов ярко эксплицируются гастрономической метафорикой, когда в социально-политической коммуникации описывается процесс поедания соответствующими чиновниками больших кусков (общественного) торта, распития шампанского и др.

СЦЕНАРИЙ 5. «ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА»

Данный сценарий является единственным, который описывает политику не в современном ее состоянии, а в исторической перспективе. При первичном изучении «исторического» сценария представлялось возможным выделить до 10 ситуативных фрагментов, но в итоге на основе анализа метафорических образов антропоморфных сфер-источников оформлены только пять актуальных когнитивных сцен, четыре из которых напрямую коррелируют с историей Германии (точнее, германских государств в разные исторические эпохи): прошлое ФРГ и Западного Берлина (1949—1990); история и политики ГДР (1949—1990); прошлое и персоналии Третьего рейха (1933—1945) и история Германии до 1933 г., куда чаще всего относятся реалии Германской империи О. фон Бисмарка (1871—1918). Пятая сцена — описание международных отношений в XX в., связанное в первую очередь с реалиями холодной войны и разделением мира на два «лагеря»: социалистический во главе с СССР (куда входила ГДР) и капиталистический (западный) под руководством США (куда относилась ФРГ). В ходе исследования не удалось выделить метафорических экспликантов, манифестирующих прошлое Евросоюза, в связи с чем можно констатировать тот факт, что данный «проект» рассматривается немцами только как всецело актуальный, непрерывный процесс. Также не были эксплицированы случаи описания и/или рассмотрения вопросов, связанных с будущим Германии, Европейского союза и мировой конъюнктуры, что указывает на прагматичность и конкретность немецкой политики, коррелирующей с целями и задачами настоящего времени и не отвлекающейся на рассуждения о виртуальном или желательном будущем.

Следует подчеркнуть, что случаи актуализации образов прошлого не являются самоцелью, а проявляются только в контексте обсуждения проблем настоящего, при этом политические образы из прошлого Западной Германии (ФРГ) и Западного Берлина (1949—1990) всегда

сопровождаются положительной оценочностью, в то время как история и политики ГДР, а также исторические образы всего социалистического лагеря во всех случаях отражаются в строго негативном, обличительном свете, что ни в коей мере не соотносится с исторической достоверностью и фактами из жизни стран-антагонистов США и ФРГ в период холодной войны. Еще один интересный момент, выявленный в ходе проведенного исследования, состоит в том, что в политических сценах практически полностью отсутствует объективация взаимоотношений ФРГ и ГДР в исторической перспективе. Всякое упоминание ГДР сводится к беспощадной критике данного государства и его политического строя, а о конфронтации и агрессии между двумя немецкими странами речи не идет вообще, как будто бы на Западе мирно ждали 40 лет, когда Восточная Германия «созреет» для объединения с капиталистической ФРГ.

Сцена 5.1. «Прошлое и политики ФРГ (и Западного Берлина)»

Экскурсы в историю Западной Германии и Западного Берлина (1949—1990) связаны с представлением персоналий некоторых наиболее авторитетных для западногерманских политиков деятелей прошлого, оставивших заметный след в истории ФРГ и/или способствовавших в Европе процессам интеграции, явившимся предзнаменованием Европейского сообщества и Европейского союза.

Одним из авторитетнейших политиков послевоенной Германии остается Конрад Аденауэр (Konrad Adenauer) — самый первый Федеральный канцлер ФРГ (1949—1963), который заложил основы политической системы современной (послевоенной) Германии и который, по мнению Й. Рау, также «подготовил и привел» Германию «к Европе»: *Wir denken heute an einen großen Deutschen (Konrad Adenauer), der sein Vaterland auf Europa vorbereitet und nach Europa geführt hat* [Rau 2001b: 22].

Западный Берлин, который в 1949—1990 г. имел особый статус ООН, был тесно экономически и политически связан с ФРГ и обладал в глазах западных немцев героическим ореолом как оплот западного блока внутри соцлагеря, в связи с чем его даже после окончания Второй мировой войны в ФРГ называли «фронтовым городом» („die Frontstadt“), так как он фактически находился на границе между двумя противоборствующими блоками.

В окказиональных контекстах Западный Берлин предстает в разных ролях с ярко выраженной позитивной оценкой, в том числе со стороны некоторых современных немецких политиков из восточной части Германии (экс-ГДР): он оценивается как «окно в Берлинской стене во внешний мир»: *West-Berlin war für uns die ganze Zeit das Fenster nach draußen in der Mauer* [Lucyga 1999].

Сцена 5.2. «Прошлое и политики ГДР»

Политическая система, политики и само государство ГДР в подавляющем большинстве речей очерняются современными немецкими политиками, которые любят противопоставлять «тоталитарную» систему ГДР якобы «демократическим» устоям и «свободам» в Западной и, соответственно, современной единой Германии.

Так, например, в следующем окказиональном отрывке образ «связанных одной веревкой альпинистов» („die Seilschaft“) (в переносном смысле это слово характеризует «группу единомышленников, связанных „темными“ делами») детерминируется по отношению к партийным функционерам бывшей ГДР из уже не существующей СЕПГ, причем оратор придает им в своем высказывании негативную оценку: *Wir dürfen das Versprechen, gegen die alten Seilschaften und für die Menschen zu arbeiten, nicht brechen* [Wetzel 1999].

В толковых немецкоязычных словарях также есть единичные узуальные метафоры, которые характеризуют политическую систему бывшей ГДР и СЕПГ (почти всегда с негативными коннотациями). Так, у названия музыкального инструмента „die Blockflöte“ (единственное прямое значение — „einfaches hölzernes Blasinstrument, dessen Windkanal im Mundstück durch einen Block gebildet wird“ [DGWDS]) в словаре с пометой „salopp abwertend“ отмечены два переносных смысла: „a) Blockpartei in der DDR; b) Mitglied einer Blockpartei in der DDR“ [DGWDS], ср.: *Die Partei des Helmut Kohl und die Partei des Herrn Gerhardt arbeiten in den neuen Ländern überall mit der PDS zusammen, und Sie haben hier Leute, die als Blockflöten Mauerbau und Stacheldraht gerechtfertigt haben. Da führen Sie dann eine so verlogene Kampagne!* [Lafontaine 1998: 6].

В некоторых контекстах всё же могут возникать неожиданные образы, претендующие на статус метафорического символа, как это представлено в следующем случае, где фигура светофорного человека („das Ampelmännchen“) из ГДР выступает как собирательный образ уклада жизни бывшей Восточной Германии, который, несмотря на некоторую несуразность (что в контексте вербализовано соответствующими атрибутами), по мнению газеты „Frankfurter Rundschau“, не должен меняться по западногерманскому подобию: *Sie merken schon, vom Ampelmännchen ist die Rede. Der alte DDR-Ampelmann, klein, knuffig und mit Hut, soll den dürren Eindringling aus dem Westen... aus dem Verkehr ziehen* [FR 19.08.1998: 6].

В целом ретроспективная тематика ГДР возникает в тех случаях, когда немецкие политики хотят противопоставить «плохой» ГДР современную «хорошую» Германию.

В некоторых контекстах отрицательный образ ГДР служит основой для создания кри-

тических высказываний о современной восточной части единой Германии. В этом случае речь может идти, например, о том, что одни негативные тенденции в ГДР перетекли в другие «плохие» (подчас диаметрально противоположные) явления в уже современной восточной части Германии (экс-ГДР): *Sind die Ost-deutschen eigentlich die schlechteren Deutschen? Erst hieß es verkürzend, das seien alles Stasis, jetzt wird der Osten oft pauschal als Hochburg der Neonazis dargestellt* [Rau 2001a: 371].

СЦЕНА 5.3. «ПРОШЛОЕ И ПОЛИТИКИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Период существования и реалии Третьего рейха (Германия в 1933—1945 гг.) не относятся у современных немецких политиков к активным темам обсуждений и упоминаются ими лишь вскользь в дискуссиях по другим вопросам в рамках кратких исторических экскурсов. Тем не менее деятельность Третьего рейха, как правило, получает строго негативную оценку со стороны политической элиты ФРГ.

В немецкоязычном политическом лексиконе правители Третьего рейха именуются „die Nazi-Schergen“, где слово „der Scherge“ («палач») используется в переносном смысле. Вokkaзиональных контекстах, как правило, акцентируют внимание на отсутствии при нацистской диктатуре гражданских прав и свобод и на культе личности фюрера А. Гитлера, для которого немецкий народ был только «орнаментом», ср.: *In der Realität waren die Massen Beiwerk, Ornament für den Führerkult* [Rau 2002a: 243].

СЦЕНА 5.4. «ПРОШЛОЕ И ДЕЯТЕЛИ ГЕРМАНИИ (ДО 1933 г.)»

История Германии до 1933 г. ассоциируется преимущественно с существованием Германской империи (1871—1918), созданной О. фон Бисмарком, когда в Европе и в Германии активно проводилась политика колониальной экспансии и военного империализма, которая в конце концов привела к развязыванию Первой мировой войны, погубившей в итоге и Германскую империю, и Австро-Венгрию, и Российскую империю, и некоторые другие участвовавшие в этой войне монархии.

В следующем контексте империализм XIX в. представлен как «болезнь», которая «свирепствовала» среди ведущих мировых держав, включая Германию: *Die Deutschen kamen im 19. Jahrhundert, als das Fieber des „Imperialismus“ unter den Großmächten grassierte, nicht als Kolonialisten nach Sri Lanka* [Rau 2001b: 108].

СЦЕНА 5.5. «ПРОШЛОЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ»

Реалии всемирной истории относятся в социально-политической коммуникации в подавляющем большинстве случаев к событиям холодной войны, бушевавшей в послевоенной Европе и в мире в целом в 1946—1991 гг., с

момента произнесения британским политиком У. Черчиллем его знаменитой Фултонской речи 5 марта 1946 г. до распада СССР 25 декабря 1991 г. (уход М. С. Горбачёва с поста президента СССР).

В общем следует отметить, что современные немецкие политики строго негативно характеризуют страны социалистического блока (как и в случае с ГДР) и противопоставляют бывшим соцстранам свободный и прогрессивный западный мир, при этом часто игнорируя и подтасовывая исторические факты.

Так, в следующем контексте критика коммунистических властей бывших соцстран (в том числе и ГДР) осуществляется композитными метафорами с использованием негативных религиозного („die Sünden“ (Pl.)), архитектурного („die Ruinen“ (Pl.)) и (не актуального для настоящего исследования) природного („die Verwüstungen“ (Pl.)) образов, ср.: *Für Ihr Land wie für Deutschland gilt sinngemäß, was der tschechische Präsident Havel über die Hinterlassenschaft des Kommunismus gesagt hat: dass nämlich nicht nur Wirtschaftsrui-nen und Umweltsünden das Erbe einer diktatorischen Vergangenheit sind, sondern auch die Verwüstungen in den Köpfen der Menschen* [Rau 2000: 247—248].

Очень широкое распространение в политической риторике XX в. получил образ «железного занавеса» („der Eiserner Vorhang“). Для западногерманских политиков эта метафора стала актуальной в августе 1961 г., после строительства Берлинской стены, отделившей восточную часть города — столицу ГДР — от Западного Берлина. Данные действия восточногерманского правительства были восприняты в ФРГ весьма болезненно, и западногерманские политики заявили, что на границу двух Германий «опустился железный занавес».

В 1989 г. Берлинская стена «рухнула», но западные, в том числе и немецкие, политики до сих пор сохраняют в своем риторическом арсенале этот образ, описывая исторические процессы в европейской истории второй половины XX в., а также якобы имевшее место, с точки зрения некоторых немецких политиков, «героическое» сопротивление восточноевропейских народов своим коммунистическим режимам, например антиправительственные выступления рабочих и беспорядки в ПНР в 80-х гг. прошлого века: *Unser Kontinent war ein halbes Jahrhundert durch den Eisernen Vorhang geteilt. Jetzt wächst er zusammen, und Rumänien nimmt an diesem historischen Prozess teil. <...> Sie haben das Tor zur Demokratie aufgestoßen und den Weg zur Rückkehr Rumäniens in die Gemeinschaft der demokratischen Staaten in Europa freigemacht* [Rau 2002b: 167].

В политических текстах метафора «железного занавеса» подчас получает неожиданное усиление за счет введения новых слов, указывающих на действия, которые совершались по

отношению к нему. Так, по мнению немецких политиков, в «железном занавесе» и «вырезались дырки», и его «отодвигали в сторону», например: *Fast vierzig Jahre lang hat die innerdeutsche Grenze die Kernaufgaben des Bundesgrenzschutzes bestimmt. Als dann endlich immer mehr Löcher in den Eisernen Vorhang geschnitten wurden und als er schließlich ganz beiseitegeschoben war, da stellte das den Bundesgrenzschutz vor eine seiner größten Bewährungsproben* [Rau 2001b: 117]. Конец холодной войны в Европе ознаменовался, по мнению современных немецких политиков, окончательным разрывом «железного занавеса».

Данные примеры наглядно демонстрируют, что в немецком политическом дискурсе театральная концептуальная метафора используется для манипуляции массовым сознанием и построения новой модели истории. Под прикрытием ярких, образных, а также уже традиционных метафор немецкие политики подтасовывают исторические факты и пытаются представить их в выгодном для себя свете, с тем чтобы, во-первых, поощрить своих восточно-европейских партнеров из новых государств — членов ЕС (Польши, Чехии, Румынии и пр.), прозападным политикам которых импонирует риторика лидеров стран бывшего враждебного блока НАТО, согласно которой новые восточно-европейские члены ЕС еще совсем недавно якобы не жили в тени СССР в соцлагере в соответствии с указаниями из Москвы, а будто бы «мужественно» «рвали» железный занавес и боролись против «красных режимов», тем самым приблизив конец как соцлагеря, так и самого СССР и посредством этой своей «героической борьбы» заслужив («выстрадав») членство в Евросоюзе. При этом подобной аргументацией немецкие политики оправдывают вступление в ЕС бывших стран Варшавского договора и в глазах собственных граждан, которым объясняют, за какие заслуги из их кармана поощряются их восточные соседи (в виде оказания им гипотетической всевозможной экономической помощи по социальным программам Евросоюза). Во-вторых, политическая элита современной единой Германии, которая унаследовала политическую культуру Западной Германии, пытается создать видимость того, что и ФРГ в свое время якобы внесла вклад в победу демократии на просторах социалистического блока и инициировала объединение двух Германий.

Политическая коммуникация, как уже неоднократно говорилось, имеет дело не с реальным положением дел в мире, а с виртуальной социальной реальностью, создаваемой (концептуализируемой) политическими элитами в том виде, в каком она им выгодна, и навязываемой простым гражданам. Для этих целей используются и метафорические образы прошлого, которым дается новая трактовка с сохранением их изначальной оценки. Ярким при-

мером этого является метафорическая номинация „die Achse“ («ось»): она в политике впервые была введена в оборот в 1936 г. лидером фашистской Италии Б. Муссолини для обозначения военного сотрудничества Италии и Германии, получившей наименование „die Achse Berlin — Rom“ («ось Берлин — Рим»), которая позже стала осью «Берлин — Рим — Токио».

В связи с этим за данным образом закрепились негативные коннотации, которые сохраняются при предикации новым объектам, в частности, в следующем контексте немецкие СМИ называют «ось Россия — Китай — Индия»: *Die drei Großmächte Russland, China und Indien schmieden an einer Achse* [Woche 04.04.1997: 17].

Если охарактеризовать все актуализируемые в современной немецкой социально-политической коммуникации аспекты когнитивного сценария «История государства и общества» в целом, то следует констатировать, что позитивные образы и символы прошлого связаны в принципе только с историей самой ФРГ (и Западного Берлина) в 1949—1990 гг., а все другие экскурсы в мировую и европейскую историю (включая более ранние периоды немецкой истории) наполнены преимущественно негативом.

Заканчивая обзор когнитивных сценариев общественно-политической жизни Германии, следует отметить, что крупные исторические события способны наложить отпечаток как на содержательное наполнение каждого когнитивного сценария, так и на его общественно-оценочную составляющую. Так, например, шпионские скандалы в ФРГ (связанные с тем, что вскрылись факты тотального прослушивания немецких политиков, включая Федерального канцлера, спецслужбами США) в 2014 г., трагические события на Украине 2013—2014 гг. и многочисленные военные конфликты последнего времени на Ближнем Востоке (Ливия, Египет, Сирия, Ирак, Израиль — Палестина и др.) остались за рамками настоящего исследования, но можно с уверенностью утверждать, что все эти события повлияли на 4 из 5 политических сценария (кроме блока «Общественная жизнь Германии», ориентированного только на внутренние дела государства и преимущественно социально-частную жизнь граждан). События настоящего также каузируют пересмотр прошлого и придание ему такого исторического контекста, чтобы оправдать свои действия в настоящем. Даже поверхностное изучение материалов германских СМИ, освещавших (как правило, путем передергивания или фальсификации данных) ситуацию на Украине, позволяет констатировать планомерное, последовательное и целенаправленное придание России образа врага и агрессора на первых этапах развития кризиса (осень 2013 г. — начало 2014 г.), что влечет за собой изменение ценностной и оценочной составляющих не только в сценарии «Политические процессы в

мире», но и в блоке «История государства и общества», связанном со взаимоотношениями Германии и России в прошлом. Тем не менее, несмотря на постоянное развитие отдельных элементов, разработанная типология представляется целостной и устойчивой при комплексном анализе референтно-смыслового пласта социально-политической метафоры в когнитивном аспекте, а дальнейшая детализация сценариев и сцен может уточнить их квантитативный потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор / РАН, Ин-т рус. яз. — М.: Редакция АСМ; Помовский и партнеры, 1994.
2. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы: моногр. — Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2007.
3. Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
4. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба Е. В., Крайникова Н. А. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. — Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
5. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе: моногр. 2-е изд., испр. и доп. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006.
6. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология: моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2008.
7. Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2010.
8. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.
9. Иванова Е. В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экономическом дискурсе (на материале медийных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2007.
10. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2003.
11. Керимов Р. Д. Архитектурный признак немецких концептов 'Германия' и 'ЕС' в политическом дискурсе // Концептуальные сферы «Мир» и «Человек»: коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: Графика, 2005. С. 263—283. (Сер. «Концептуальные исследования»; вып. 6).
12. Керимов Р. Д. Германия // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. — Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 4. С. 157—176.
13. Керимов Р. Д. Стереотипный образ России в германской политике // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 13—17 сент. 2010 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. С. 72—76.
14. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации: моногр. / ФГБОУ ВПО «Кемерово. гос. ун-т». — Кемерово: Офсет, 2012.
15. Керимов Р. Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: моногр. / ФГБОУ ВПО «Кемерово. гос. ун-т». — Кемерово: Офсет, 2013.

16. Керимов Р. Д. Аспекты метафорического таргетирования в современной немецкоязычной социально-политической коммуникации // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28 авг. 2014 г.) / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2014а. С. 106—111.
17. Керимов Р. Д. Метафорическое таргетирование в немецкой социально-политической коммуникации: сценарии внешней и внутренней политики ФРГ // Политическая лингвистика. 2014б. № 3 (49). С. 129—141.
18. Керимов Р. Д., Федянина Л. И. Метафорическая актуализация фрейма «Экономика» в социально-политической коммуникации ФРГ // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 157—170.
19. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): моногр. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008.
20. Куданкина О. А. Актуализация концепта *Германия* в российской публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Архангельск, 2005.
21. Кузьминых Ю. А. Моделирование и интерпретация архитектоники когнитивной сцены (на материале произведений О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и В. Вульф «Миссис Дэллоуэй»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2013.
22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
23. Михалёва О. Л. Политический дискурс как средство реализации манипулятивного воздействия: моногр. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005.
24. Пименова М. В. Особенности репрезентации концепта *чувство* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка: коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: Графика, 2003. С. 58—120. (Сер. «Концептуальные исследования»; вып. 2).
25. Пименова М. В. Сценарий как один из способов описания концепта (на примере концепта *радость*) // Новое в славянской филологии: сб. статей / отв. ред. М. В. Пименова. — Севастополь: Рибэст, 2009. С. 68—79. (Сер. «Славянский мир»; вып. 4).
26. Попова З. Д., Стернин И. А. Проблема моделирования концептов в лингвокогнитивных исследованиях // Мир человека и мир языка: коллективная моногр. / отв. ред. М. В. Пименова. — Кемерово: Графика, 2003. С. 6—16. (Сер. «Концептуальные исследования»; вып. 2).
27. Пишенин А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Барнаул, 2006.
28. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999—2000 гг.)»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2002.
29. Салатова Л. М. Метафорическое моделирование экономического кризиса 2008 года в массмедийных дискурсах России и США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013.
30. Скребицова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
31. Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006.
32. Таратынова Т. В. Метафорическое моделирование российских и американских президентских выборов в немецких СМИ (2008): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2012.

33. *Федянина Л. И.* Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа : учеб. пособие / ГОУ ВПО «Кемерово. гос. ун-т». — Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008.

34. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

35. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. 2-е изд., стер. — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2005.

36. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2006.

37. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013.

38. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса : моногр. — М. : Гнозис, 2004.

39. *Jäkel O.* Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. — Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, 1997. („Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft“; Bd. 30).

40. *Kövecses Z.* Metaphor: A practical introduction. — New York : Oxford Univ. Pr., 2002.

41. *Liebert W.-A.* Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache: kognitive Linguistik und die Perspektiven einer kognitiv-linguistischen Lexikographie. — Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; New York ; Paris ; Wien : Lang, 1992. („Europäische Hochschulschriften“: Reihe 1, „Deutsche Sprache und Literatur“; Bd. 1355).

42. *Musolff A.* Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. — München : IUDICIUM Verl., 2000.

43. *Rigotti F.* Die Macht und ihre Metaphern: über die sprachlichen Bilder der Politik. — Frankfurt am Main ; New York : Campus Verl., 1994.

44. *Schwarz M.* Einführung in die kognitive Linguistik. 2., überarb. und aktual. Aufl. — Tübingen ; Basel : Francke, 1996.

СЛОВАРИ

45. *Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung* = CUGDR / Chefred. A. Sendlinger. — München : Compact Verl., 2007.

46. *Duden*, Das große Fremdwörterbuch: Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter = DGFW / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., überarb. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 2003.

47. *Duden*, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bd. = DGWDS / hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. — Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1999.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЧИ

48. *Babel G.* Mehr Arbeitsplätze nur durch Reformen // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 6.

49. *Eichel H.* Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung: „Vor einem neuen Aufschwung — Verlässliche Wirtschafts- und Finanzpolitik fortsetzen“ in der Debatte der 218. Sitzung im Deutschen Bundestag

(Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996—2002 : CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-11-1.

50. *Friedhoff P. K.* Bildung wird ein Eckpunkt der Reformen // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4.

51. *Geißler H.* Der Strukturwandel ist bewältigt // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 9.

52. *Kiper M.* Rasender Stillstand dieser Regierung // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4.

53. *Lafontaine O.* Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. Sept. S. 4—6.

54. *Luft Ch.* Die Sozialpflichtigkeit des Eigentums // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4.

55. *Metzger O.* Dieser Haushalt ist verfassungswidrig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. Sept. S. 7—8.

56. *Lucyga Ch.* Rede in der Berlin-Debatte : web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_044.html.

57. *Metzger O.* Dieser Haushalt ist verfassungswidrig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11 Sept. S. 7—8.

58. *Müller W.* Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996—2002 : CD-ROM-Version PC/MAC / hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. — Berlin, 2003. Nr. 2002-17-1.

59. *Ostertag A.* Arbeitsförderung modernisieren // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 8.

60. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1.

61. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001a. Bd. 2.1.

62. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001b. Bd. 2.2.

63. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002a. Bd. 3.1.

64. *Rau J.* Reden und Interviews. — Berlin : Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002b. Bd. 3.2.

65. *Riesenhuber H.* Langfristige Strategie der Regierung // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 8—9.

66. *Rüttgers J.* Das Ziel heißt: Arbeitsplätze für alle // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24 Juli. S. 4—5.

67. *Waigel Th.* Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11 Sept. S. 3—4.

68. *Wetzel K.* Rede in der Berlin-Debatte : web document 1999. URL: http://www.bundestag.de/info/berlin/debatte/bdr_071.html.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

69. *BZ (Zeitung)*. — Berlin (Deutschland) = BZ.

70. *Frankfurter Rundschau (Zeitung)*. — Frankfurt am Main (Deutschland) = FR.

71. *ND (Zeitung)*. — Berlin (Deutschland) = ND.

72. *Spiegel, der* (das deutsche Nachrichtenmagazin). — Hamburg (Deutschland) = Spiegel.

73. *Tagesspiegel, der* (Zeitung). — Berlin (Deutschland) = Tagesspiegel.

74. *Welt, die* (Zeitung). — Hamburg (Deutschland) = Welt.

75. *Woche, die* (Zeitung). — Hamburg (Deutschland) = Woche.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доцент Ю. В. Кобенко.